

А.М. Сунгурский

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ЛЬВА

А.М. Сунгурский

Не стреляйте в льва

<https://litres.ru/74667738>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вятка, 1913 год. Столяр Михаил Вересов собирается жениться и меньше всего хочет возвращаться к жизни бродячего зверинца. Но дорожная авария меняет его планы: взрослый лев уходит в лес, а Михайлов отец, стареющий укротитель, намерен вернуть зверя живым.

По дворам расходятся тревожные слухи. Охотник, взявшийся искать Цезаря, держит ружьё наготове. Отец уверен, что лев ещё послушается его голоса; сын слишком хорошо знает, сколько стоят отцовские обещания. Михаил остаётся помогать — теперь от их решений зависит безопасность чужих семей.

Содержание

Глава 1. Сын укротителя	4
Глава 2. Место для колыбели	17
Глава 3. Свежая доска	27
Глава 4. До станции и обратно	38
Глава 5. На свободе	48
Глава 6. Человек на крыше	60
Глава 7. За закрытой дверью	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

А.М. Сунгурский

Не стреляйте в льва

Глава 1. Сын укротителя

Отец заметил Михаила прежде, чем тот успел спрятаться за полной женщиной в соломенной шляпе. Вгляделся поверх её плеча, поднял руку, и Миша сразу понял: зря пришёл в светлой рубаше. В тёмной, рабочей, можно было бы ещё отступить к выходу, смешаться с мужиками, которым не хватило места на скамьях. Теперь отец уже улыбался ему той улыбкой, ради которой незнакомые люди покупали билеты.

— А вот и моя смена! — объявил он. — Пожалуйте, Михаил Антонович. Не стесняйтесь публики. Она добрая.

Женщина обернулась. Миша почувствовал запах нагретой соломы, дешёвой пудры и собственную досаду: почти за девять лет ничего не изменилось. Отец по-прежнему сначала обещал его другим, а потом ждал, что обещание будет исполнено.

— Я посмотреть, — сказал Миша.

Его не слышали. У дверей ударили в барабан; опоздавшие торопились пройти, мальчик в длинной рубаше протиснулся между взрослыми и прижался к ограждению. За железной решёткой лев лежал спиной к людям. Огромная ла-

па вытянулась из-под гривы, и один палец медленно вздрагивал, словно зверь отсчитывал оставшиеся неприятности.

Отец был в красной жилетке. На груди, там, где раньше блестели золотистые шнуры, остались светлые полосы, а саму жилетку перетянули ниже пояса. Издали она ещё делала Антона Вересова широкоплечим. Вблизи Миша видел, как ткань собирается пустыми складками под рукой.

— Мой сын, господа, — повторил отец, уже тише, будто сообщал людям семейную тайну. — Самостоятельный мастер. Не желает больше служить при царском дворе.

Кто-то засмеялся. Лев повернул голову; на миг в полумраке показался один жёлтый глаз, затем снова скрылся за гривой. Вдоль деревянного сарая стояли перевозные клетки. Две были закрыты полотнищами, из третьей торчала обезьянья рука: тонкие пальцы терпеливо исследовали край пустой жестяной кружки. Сверху падал косой свет, в котором плыла пыль от опилок. За углом, где публике не полагалось ходить, пахло сырым мясом.

Миша дошёл до низкой верёвки, отделявшей зрителей от прохода. Отец приподнял её и держал, не задавая вопроса. Чтобы не нагнуться под ней, пришлось бы теперь сказать «нет» громче барабана.

— Что сломалось? — спросил Миша, проходя.

— Ничего. Хотел тебя обнять.

Отец действительно обнял его — одной рукой, оставляя другую с коротким хлыстом вдоль бедра. От жилетки шёл

знакомый запах: пот, табак и тот особый тёплый дух зверинца, которого не брали ни ветер, ни стирка. Миша не успел отстраниться, когда отец уже повернул его к народу.

— Девять лет не выступает, а спина всё помнит. Посмотрите, как держится.

— Отец.

— Да не сердись. Стань вот здесь. Всего лишь придержишь дверцу, пока я выйду.

Миша посмотрел туда, куда ему показали. Круглую разборную ограду для выступления присоединили к львиной повозке узким решётчатым переходом. В самой повозке, за поднятой дверью, лежала солома; перед переходом поставили табурет, на котором должен был сидеть служитель. Табурет был пуст.

— А Пётр где?

— Остался в Нижнем. Наш новый человек пока занят лошадьми.

Новый человек мог быть занят чем угодно, только отцу сейчас требовался именно Миша. Он знал это по лёгкости, с какой Антон повернулся к публике, оставив сына перед незаконченной фразой. На клетке у наружной ручки висела цепь с крюком. Держать поднятую дверцу рукой не следовало: ручка была сделана для движения, цепь — для закрепления. Миша поднял звено, натянул цепь и увидел, что крюк входит в петлю только самым кончиком. Петлю смяло.

— Кто так гнул?

Отец услышал, хотя уже разговаривал со зрителями.

— На разгрузке прижали. После поправим.

— До выхода поправим.

Миша вытащил из кармана складной нож, закрыл его, прикинул толщину рукояти и убрал обратно. Здесь требовалось железо, а не торопливая хитрость. Он оглянулся на мальчика-барабанщика, который перестал бить и с интересом следил за спором.

— Позови хозяина. И молоток.

Антон слегка тронул сына за локоть. Миша почувствовал пальцы сквозь рукав, но не повернулся. За спиной зашевелились: людям казалось, что начинается обещанное выступление, а они смотрели на мужчину, который разглядывает цепочку. Полная женщина поправила шляпу. Один из зрителей кашлянул нарочно.

— Господа, — сказал отец, — у настоящего мастера всё должно быть по мерке. Даже царская дверь.

Публика благосклонно засмеялась. Миша невольно посмотрел на него. Антон стоял в той же позе, что и прежде, однако большим пальцем тёр костяшку указательного; кожа там была белёсой, будто под старым ожогом. Этого движения сын не помнил.

Хозяин зверинца пришёл из-за полотнищ с молотком и клещами. Василий Зотов оказался ниже, чем представлялось по его голосу у входа: крепкий человек с подстриженными усами и маленьким мокрым пятном на воротнике. Он пере-

дал инструменты, не спросив, что случилось, и сразу отступил, чтобы не загораживать людям льва.

Миша выправил петлю. Два коротких удара вышли гулкими, третий он сделал осторожнее. Лев поднялся.

В этом движении не было ни спешки, ни тяжести, хотя за решёткой вдруг стало гораздо меньше свободного места. Передние лапы вытянулись, выгнулась спина; грива качнулась так близко, что Миша ощутил её запах отдельно от общего духа сарая. Зверь посмотрел сначала на молоток, потом на сына укротителя. Миша не отнял руки рывком. Закончил, зацепил цепь и сделал шаг назад.

Цезарь прошёл к середине ограды. Он прихрамывал едва заметно, не каждый шаг, и Миша попытался понять, на какую лапу. Не успел: отец вошёл через маленькую боковую дверь и занял всё внимание льва собой. Антон теперь двигался мягко, почти танцуя.

— Добрый вечер, ваше величество.

Лев остановился.

Барабанщик поднял палочки, но Антон покачал головой. Из толпы кто-то сказал шёпотом: «Сейчас». Миша услышал, как скрипнула скамья под человеком, подавшимся вперёд.

Отец не спешил. Хлыст опустил наконечником в опилки, сам повернулся чуть боком и выговорил два тихих слова, которых публика не разобрала. Лев перевёл взгляд на низкую тумбу. У тумбы была новая доска сверху; краска ещё не успела потускнеть. Миша подумал, что делать её свежей перед

самым выступлением было глупо: зверь привыкал к вещам гораздо дольше, чем люди замечали их новизну.

Антон повторил слова. Цезарь подошёл к тумбе, понюхал край и неожиданно чихнул. Мальчик у ограждения рассмеялся звонко, с облегчением; за ним засмеялись взрослые. Отец поклонился льву, принимая случившееся как заранее приготовленный ответ.

— Совершенно с вами согласен. Краска дрянная.

Он отошёл на полшага и подал другой знак. Цезарь взобрался на тумбу передними лапами, но задние оставил внизу. Миша теперь ясно увидел: зверь берёт правую переднюю. Когда переносил тяжесть, пальцы раздвигались, и одна подушечка выглядела темнее остальных.

Отец тоже видел. Он поменял положение, словно продолжал номер, и снял льва с тумбы раньше, чем кто-нибудь понял, что тот встал неправильно. Цезарь вернулся к решётке, провёл усами по пруту и облизнулся. На усах остались опилки.

— Да он не хочет, — недовольно сказал мужчина в заднем ряду. — Чего его водить-то?

Антон поднял голову.

— Вы тоже не всякую работу любите, сударь. А полюбоваться собой позволите?

Уже смеялись над мужчиной. Тот смутился, пробормотал, что ничего не сказал, и Миша ощутил знакомое злое удовольствие: отец всегда умел одним поворотом увести толпу

от собственной неудачи. В детстве казалось, что это и есть власть над миром.

Номер закончился раньше, чем обещали на афише. Цезарь прошёл через переход в свою повозку, остановился у задней стенки и повернулся. Миша, стоя сбоку за решётчатой перегородкой, опустил дверь. Она шла туго в нижней части; пришлось взять ручку двумя руками. Отец дождался, пока сын вставит засов и закрепит его, затем сам вышел из круглой ограды.

Теперь захлопали по-настоящему. Полная женщина держала перчатки под мышкой, чтобы не мешали ладоням, мальчик подпрыгивал, а лев скрёб солому у стенки, устраиваясь для сна. Антон вышел к людям с таким лицом, словно они вместе пережили великую опасность. Поклонился, потом потянул Мишу за рукав.

Сын остался у повозки.

— Дай руку, — тихо сказал отец.

Миша дал. Антон поднял её, и публика увидела двух Вересовых — старшего в красной жилетке и младшего в светлой рубаше с налипшими к манжете опилками. Кто-то крикнул: «Браво!» Женщина в шляпе вытерла глаза. Миша стоял и смотрел на маленький чёрный след от масла, который появился на его чистом рукаве.

После представления в сарае сразу стало жарче. Пока люди сидели тесно, жару можно было отнести к ним; теперь она принадлежала самому месту. Служители поднимали полотнища, барабанщик уносил свой инструмент, Зотов пересчитывал входные билеты, нанизывая разорванные половинки на проволоку. Антон снял жилетку и повесил на гвоздь. Под ней оказалась обыкновенная серая рубаша с вытянутым воротом.

— Спасибо, — сказал он.

Миша положил молоток на пустой ящик.

— Ты мог попросить до представления.

— Ты мог прийти раньше.

Сын засмеялся, хотя смешного не было.

— Я и так пришёл раньше, чем собирался. От Нины.

Антон стал развязывать узкий шейный платок. Узел не поддавался. Он дёрнул конец, ещё туже затянул и наконец подставил шею сыну с прежней бесцеремонной уверенностью. Миша распустил узел. Кожа у отца была горячая; возле ключицы белел небольшой шрам, которого раньше не было.

— Ей плохо? — спросил Антон.

— Ей тесно. Ты обещал забрать сундуки во вторник.

— Я заберу.

— Сегодня четверг.

— Знаю, какой сегодня день.

Миша отпустил концы платка. Отец взял один из них, протёр шею и только потом посмотрел на сына.

— Два сундука могут постоять ещё немного. В них нет ничего заразного.

— У них в комнате будут ставить колыбель. Григорий сделал полку, переставили комод. Твои сундуки стоят посередине.

— Так пусть поставят друг на друга.

Миша наклонился за клещами. Он пришёл передать просьбу сестры, не объясняя отцу устройство комнаты. Пока выпрямлял петлю и держал дверцу, всё было проще.

— Завтра до вечера, — сказал он. — Если не заберёшь, я отнесу на постоялый двор. Там возьмут за хранение.

— За мои вещи ты будешь платить?

— Вычту из того, что должен тебе.

Антон прищурился.

— А ты мне должен?

— Вот и я не помню.

Отец рассмеялся первым. Смех у него оставался молодым, неожиданно лёгким для этого уставшего лица. Миша отвернулся, чтобы не улыбнуться в ответ. Не хотелось, чтобы спор опять кончился на том месте, где Антону стало весело.

Из львиной повозки донёсся шорох. Цезарь лежал на боку, вытянув задние лапы; хвост время от времени ударял по полу. Смешно было видеть такую большую кошку рядом с

обыкновенной металлической миской. Смешно и неприятно: между миской и лапой расстояние казалось слишком маленьким.

— Что у него с правой? — спросил Миша.

Отец сразу перестал возиться с платком.

— Ссадил. На переходе зацепился. Уже лучше.

— Сегодня не надо было на тумбу.

— Я и не держал.

— Сначала поставил.

Антон повесил платок поверх жилетки. За его спиной шёл Зотов, и оба Вересовых замолчали, не сговорившись. Хозяин взял молоток и клещи, осмотрел выправленную петлю.

— Хорошо сделали. Вам бы завтра взглянуть на настил. Доска возле двери гуляет.

— У вас свой человек есть, — сказал Миша.

— Есть. Только он лошадей знает. У зверя под носом не всякий станет колотить.

— Льва на время выводят в ограду.

— Вот видите, вы уже знаете как.

Зотов произнёс это без насмешки. От этого отказать оказалось труднее.

— Завтра у меня работа.

— Вечером.

— Вечером тоже.

Антон не вмешивался. Поднял ведро, пошёл к бочке у двери и, пока набирал воду, выглядел таким занятым, будто

разговор не имел к нему отношения.

Зотов вынул из жилетного кармана сложенные бумажные деньги, но не развернул.

— Я заплачу. Нам послезавтра грузиться. До Гирсова железной дорогой, потом на лошадях к фабрике. Там народ ждёт, хозяин помещения обещал место. На тряской дороге доска совсем отойдёт — зверю лапу портить. Мне ещё его кормить, а больной не ест как следует.

— Он ест, — сказал Антон от бочки.

— Я не говорю, что не ест. Я говорю, не надо доводить.

Миша подошёл к повозке. У нижнего края решётки была привинчена деревянная облицовка. За ней начинался настил; доска действительно немного поднялась, но дело было не только в ней. Между железной полосой и деревом лежала светлая щель. Он провёл пальцем по наружному краю, не просовывая руку за прутья, и вытащил мокрую труху.

Цезарь открыл глаза.

Миша отступил, показал труху хозяину.

— Это смотреть надо снизу. Может, одной доской не обойдётся.

— Посмотрите.

— Если увижу плохое, скажу плохое. Не «доедет».

— За этим и прошу.

Антон принёс ведро и поставил у повозки. Вода плеснула на сапог, он выругался вполголоса. Потом присел у наружного устройства, через которое наполняли львиную миску.

Цезарь поднял голову; по тому, как отец задержался, Миша понял, что зверь лежит неудобно близко к месту подачи воды. Антон подождал. Не стал ни уговаривать, ни сердиться, только сидел на корточках, тяжело дыша после наклона.

Наконец лев отодвинулся. Отец наполнил миску, поднялся, опершись ладонью на колено, и посмотрел на сына снизу вверх.

— Приходи после своей работы. Сундуки сам отвезу. К Нине зайду.

Миша хотел спросить, зайдёт ли он так же, как во вторник, но Зотов уже развернул деньги, и разговор сделался деловым. Они условились о времени и о том, что прежде платы нужно увидеть повреждение. Хозяин ушёл к кассе. Отец стоял перед сыном с пустым ведром.

— Ты уж на неё не сердись, — сказал он. — Ей сейчас тяжело.

Миша не сразу понял, что речь о Нине.

— Я на неё не сержусь.

— Я вижу.

Снаружи вечер был ещё светлый. У ворот толпились ребята, надеясь увидеть что-нибудь даром; один показывал другому, как лев поднимался на тумбу. Миша прошёл между ними, держа испачканную манжету подальше от брюк. До дома сестры можно было дойти пешком. Но он свернул к умывальнику у соседнего двора и долго тёр ткань холодной водой. Масляное пятно расплзлось, стало бледнее и шире. Встре-

чатся с Лидией пришлось бы уже в другой рубахе.

Глава 2. Место для колыбели

Нина открыла дверь с куском мыла в руке. Увидев мокрый рукав брата, сразу потянулась к нему, словно он всё ещё был мальчиком, которого привели после драки.

— Что это?

— Ничего. Масло.

— Вижу, что не кровь. Зачем водой размазал?

Она втянула его в сени и велела снять рубаху. Миша попробовал возразить, что зайдёт на минуту, однако сестра уже несла таз. У неё хватало места распорядиться чужой жизнью даже в комнате, где действительно нельзя было сделать трёх шагов, не задев отцовского сундука.

Один сундук стоял у окна, второй — между столом и комодом. Большой, обитый позеленевшей жёстью, пах кожей и старым камфорным спиртом. На крышке были следы многочисленных наклеек; поверх одной, с иностранными буквами, когда-то наклеили ярлык «Пенза», потом содрали, оставив только последние две буквы. В детстве Миша водил по этим бумажкам пальцем, как по названиям обещанных стран. Теперь Нина сушила на сундуке выстиранную наволочку.

— Обещал завтра, — сказал он.

— Я уже наняла человека.

— Кого?

— Пахома со двора. Отнесёт в сарай к хозяйке. Она поз-

волила до отъезда, только сверху велела накрыть.

Миша остановился, держа рубаху за ворот.

— Ты же меня послала.

— Послала. Потом подумала, что ждать глупо. А ты всё равно хотел к нему.

— Я хотел к тебе вернуться с ответом.

— Вот и вернулся. Снимай, не дёргай манжету.

Он остался в нижней рубахе, сел на край кровати и почувствовал себя гостем, которому нечем заняться, пока хозяйка исправляет его глупость. В комнате было светло. В окне виднелись верхушки лука на соседнем огороде, жерди и белё; ниже подоконника Миша не видел ничего. Нина стояла у стола боком, и живот уже заметно приподнимал передник.

— Тебе нельзя таскать, — сказал он.

— Мне и не платят за тасканье. Я Пахому заплачу.

— Я сам перенесу.

— Вдвоём с ним. Так и быть, позволю вам обоим.

Она тёрла ткань намыленными пальцами, не обращая внимания на брата. Миша оглядел комнату. Григорий действительно приколотил полку, ровно, на хороших кронштейнах. На ней лежали три книги, коробка с письмами и жестяная банка без надписи. Под полкой предстояло поставить колыбель. Её пока не было: Миша обещал сделать, хотя столлярная работа ради родных у него всякий раз отодвигалась заказной.

— В воскресенье привезу, — сказал он.

Нина подняла голову.

— Ты про колыбель?

Он кивнул.

— Я не спрашивала.

— Знаю.

Она снова принялась за рукав. На сей раз Миша был благодарен ей за молчание.

Григорий пришёл, когда отцовские сундуки уже вынесли в сени. Пахом, широколицый дворник с красными запястьями, отдыхал у двери, не садясь: стоять ему было привычнее. Миша протирал ладони. Ключей у Нины не оказалось, сундуки тащили полными; в большом что-то гулко перекатывалось, ударяясь о стенку на каждом повороте.

— Там чугун, что ли? — спросил Григорий.

— Золото, — ответила Нина. — Только нам не показывают.

Григорий засмеялся и снял сюртук. Он был молод, худ, с очень чистым пробором, который к вечеру чуть съезжал набок. Мише не нравилась его привычка прежде любого дела тщательно складывать верхнюю одежду. Но сестра смотрела, как он вешает сюртук, с таким спокойствием, что придраться было не к чему.

Втроём перенесли тяжёлый сундук через двор. В сарае пришлось раздвинуть санные полозья, пустые ящики и свёрнутую циновку. Пахом всё время советовал повернуть крышкой к стене, потому что тогда удобнее поставить вто-

рой, меньший. Григорий возразил: крышка отсыреет. Миша открыл было рот, чтобы вмешаться, но они уже сами договорились. Подставили два сухих бруска и отодвинули сундук от стены на ладонь.

— Ему сказать надо, — произнёс Григорий, когда вернулись.

— Скажем, — ответила Нина.

— Он ведь искать начнёт.

— И найдёт. До сарая недалеко.

Миша хотел передать отцовское обещание зайти, затем посмотрел на сестру и промолчал. Григорий, вымыв руки, достал из кармана маленький свёрток и положил перед женой. Внутри оказались две груши — жёлтые, с потемневшими боками, слишком мягкие для красивого подарка. Нина обрадовалась им так, будто муж принёс дорогую вещь, и Миша почувствовал неловкость за самую свою мысль о дороговизне.

— Тебе половину? — спросила она.

— Я пойду.

— В мокрой?

Рубаха висела на верёвке в кухне. Пятно стало почти незаметным, но манжета ещё тяжело свисала, напоённая водой. Григорий принёс свою — немного короткую Мише в рукавах, зато чистую. Пока он переодевался, Нина резала груши на блюде. По комнате разливался сладкий запах.

Миша взял один ломтик. Мякоть была тёплой, крупинча-

той, с самой серединой настоящего лета. Он съел медленно и только после этого заметил, как свободно стало у стола. Там, где прежде приходилось поворачиваться боком, теперь лежала широкая светлая полоса пола.

— Вот, — сказала Нина, проследив за его взглядом. — Даже ходить можно.

* * *

Лидия ждала у своего дома и ничего не держала в руках. Это сразу означало, что она сердится. Обычно находила себе занятие до последней минуты: подрезала нитки, складывала бумагу, перебирала принесённые отцом листы. Когда выходила просто стоять, опоздание превращалось в отдельное, хорошо видимое действие.

— Я думала, ты не придёшь, — сказала она.

— К Нине заходил.

— Я тоже могла зайти к Нине. У тебя чужая рубашка.

— Григорьева.

— Она к тебе не привыкла.

Он посмотрел на короткие рукава, и Лидия всё-таки улыбнулась. Сразу сделалась моложе. Ей было двадцать шесть; возле глаз, когда она смеялась, появлялись мелкие складочки, которые Миша любил ещё до того, как решился сказать ей это.

Они пошли без цели, просто вниз по улице, где после

дневной жары тянуло прохладой из ворот. Под вечер в Вятке звуки раздались шире: удар молотка в далёком дворе, спор женщин у водовоза, скрип чьей-то телеги. На углу мальчик продавал семечки и просил за кулёк так серьёзно, будто от его цены зависела вся городская торговля. Лидия купила один. Миша протянул ладонь, она высыпала ему несколько семян и оставила кулёк у себя.

— Отец передумал насчёт комнаты, — сказала она.

Он напрягся.

— Что теперь?

— Не хочет, чтобы мы жили над мастерской. Говорит, там зимой слишком холодно. Можно снять две комнаты у вдовы на соседней улице, если она не передаст их учителю.

Миша остановился у забора.

— Ты уже смотрела?

— Смотрела. Там печь целая, окна выходят во двор. Кухня общая.

— А платить?

Она назвала сумму. Он быстро прикинул жалованье, расход на еду, отложенные деньги. Получалось тесно, но не безнадёжно. Хуже было другое: всё время, пока он считал, Лидия смотрела не на него, а на красную краску забора, сошедшую длинными чешуйками.

— Мы же хотели сперва у вас, — сказал он.

— Хотели. Отец тоже хотел. Потом пожил там две ночи сам. Решил, что и летом холодно.

Миша поднял на неё глаза. Лидия не удержалась и засмеялась.

— Да, именно так. Взял одеяло, полез наверх и испугал подмастерья утром. Проверял.

От этого стало легче. Он представил маленького, аккуратного переплётчика Афанасия Ивановича на узкой лавке между листами картона, его нос из-под одеяла, строгий выговор сквозняку. Лидия, заметив перемену, протянула кулёк.

— Зайдём в воскресенье. До обеда.

— В воскресенье я колыбель Нине повезу.

— Так отвезём раньше. Я посмотрю, что у тебя вышло.

Она сказала «у тебя вышло» с уверенностью, которая неприятно кольнула: колыбель ещё лежала отдельными досками. Миша взял несколько семечек, чтобы отсрочить ответ.

— Надо только доделать.

— Много?

— На день работы.

— Тогда в воскресенье после обеда. Если тебе удобно.

Последние слова прозвучали слишком вежливо. Он посмотрел на неё.

— Лида, завтра мне к отцу вечером. Клетку смотреть. В субботу после работы закончу колыбель.

— Ты теперь у него работаешь?

— Один раз.

Она кивнула, перебирая пальцами бумажный край кулька. Миша ожидал упрёка, но Лидия спросила другое:

— Он к нам придёт?

— Кто?

— Твой отец. Познакомиться с моим. Мы всё-таки собираемся жениться.

Миша молчал слишком долго. Лидия посмотрела на него и прикусила шелуху, забыв вынуть семечко.

— Ты не говорил ему?

— Говорил. Писал.

— А сегодня?

— Сегодня не получилось.

Она достала шелуху изо рта, аккуратно завернула в край бумажки. У неё была такая привычка: даже рассердившись, не бросать ничего под ноги. Мишу это раздражало и нравилось одновременно.

— Я не прошу его разрешения, — сказала Лидия. — Просто он твой отец.

— Я знаю.

— Ты сказал так, будто это я тебе напомнила.

На другой стороне улицы раскрыли ворота, выпуская телегу. Лошадь встала поперёк дороги, возчик сердито придерживал узду; им пришлось подождать. Лидия стояла рядом, однако Миша чувствовал, как легко было бы сейчас всё испортить: пошутить насчёт знакомства, пообещать за отца или объяснить, что тот не любит таких разговоров. Объяснения он знал наизусть.

— Я стесняюсь, — сказал он.

Она повернулась.

— Меня?

— Его. Как он начнёт рассказывать. Как станет смеяться, если не знает, что ответить. Твой отец серьёзный человек.

Лидия смотрела на Мишу до тех пор, пока телега не проехала. Потом сунула ему кулёк.

— Мой отец однажды неделю не разговаривал с соседом, потому что тот назвал тиснёный переплёт печатным. Неделю, Миша. Серьёзный — это ещё не всё.

Он засмеялся. Она позволила ему взять себя под руку, и они пошли дальше, обходя рассыпавшийся на дороге песок. Вечер не стал совсем лёгким, но перестал ждать от него оправдания.

На обратном пути Миша сам заговорил о комнате. Лидия объяснила, где поставить кровать, а где её стол; окно там было слева, удобно для работы. Он спросил о перегородке, она ответила, что стены слышные, зато хозяйка не живёт за стеной и редко заходит. В этих подробностях их будущая жизнь впервые за много дней казалась не обещанием после всех остальных дел, а местом, которое уже можно увидеть.

У калитки он сказал:

— Завтра поговорю с ним.

— Поговори. А если не захочет — скажешь мне как есть.

Она забрала почти пустой кулёк, заглянула внутрь и вытряхнула Мише в ладонь последние три семечка. Одно было пустое. Он раскусил его, уже уходя, и засмеялся сам себе.

Дома на верстаке лежали заготовки для колыбели. Миша зажёг лампу, провёл ладонью по гладкому краю и сел работать. За стеной хозяин комнаты ходил тяжело, в сапогах, хотя давно собирался спать. Где-то в темноте заплакал ребёнок и скоро затих. Миша приладил одну из боковин, снял, подстрогал соединение, снова поставил. Работа понемногу забрала в себя вечер: чужую рубаху, отцовский смех, Лидины слова. Когда боковина наконец встала ровно, он не стал пробовать следующую. Снял стружку с лампы, чтобы не нагревалась, и затушил огонь.

Глава 3. Свежая доска

В пятницу Миша дважды испортил одну и ту же разметку. Первый раз провёл черту не с той стороны, второй — принял собственную лишнюю черту за нужную. Дерево ещё можно было спасти, сняв немного с края, но хозяин мастерской уже подошёл.

Захар Ильич никогда не кричал возле верстака. Он говорил негромко, оставляя человеку возможность самому услышать неприятность.

— Что у тебя там?

— Поправлю.

— Я вижу, что поправишь. Что у тебя там, в голове?

Миша отложил угольник. Рассказать про отца означало бы признаться в детской причине взрослой ошибки. Он сказал, что плохо спал. Захар Ильич потер щёку, посмотрел на заготовку и велел взять другую доску, а эту оставить для мелкой работы.

— Брак из жалованья вычтите, — произнёс Миша.

— Мне шкаф нужен, Миша. С вычетом его не поставишь.

Хозяин ушёл к другому верстаку. Подмастерье, услышав разговор, старательно уткнулся в свой ящик; Миша был благодарен ему и за это. До обеда работал медленнее обычно, зато почти не ошибался. Вечером попросил два обрезка крепкой сухой доски и объяснил для чего. Захар Ильич уди-

вился льву гораздо меньше, чем Миша ожидал.

— Так ты опять у отца?

— Только починить.

— Почини. В понедельник будут за шкафом. Если у тебя поездка какая, сейчас скажи.

— Никакой поездки.

Слова вышли легко. У Миши действительно не было причин куда-либо ехать, кроме собственных обещаний, которые лежали дома под верстаком.

Он забрал у Нины вчерашнюю рубаху, оставив выстиранную Григорьеву в свёртке, и узнал, что отец приходил. Вещи уже увезли. Нина показала серое одеяльце с широкой белой каймой: Антон купил его в лавке, прежде чем явиться за сундуками.

— Хорошее? — спросила она.

Миша потрогал шерсть. Мягкая, почти не кололась.

— Хорошее.

— Вот и я говорю.

Она сложила одеяльце, разгладила ладонью и убрала на полку. Миша понял, что сейчас ему не следует добавлять ничего про просроченный вторник. Нина и без него помнила.

У зверинца стояли подводы. Рабочие разбирали наружный помост, с которого Зотов зазывал публику; афишу уже сняли, оставив на досках четыре светлых прямоугольника под гвоздями. Без афиши лев снова стал просто дорогим живым грузом, которого предстояло перевезти из одного места

в другое.

Отец ждал возле входа.

— Говорят, ты хорошо зарабатываешь.

— Кто говорит?

— Нина. Садись, поешь.

На пустом ящике лежали хлеб, кусок холодной говядины и огурец. Миша положил рядом принесённые доски, снял картуз. Отец налил чай из закопчённого чайника; у кружки оказался отбитый край, и Антон повернул её целой стороной к сыну так привычно, что тот заметил это уже после первого глотка.

— Когда успел к ней?

— Пока ты зарабатывал. Григорий помог вывезти. Хороший парень. Только тихий.

— Ему хватает, с кем говорить.

Антон поднял глаза, но не стал спорить. Отрезал хлеба, налёг локтем на колено. В серой рубахе и без платка он был похож на пожилого мастерового, который пришёл вместе с Мишей на чужую работу.

Новый конюх появился из-за повозки, ведя к ведру гнедую. Увидел доски, осторожно обошёл их, хотя места хватало. Звали его Филиппом. Он был широк в плечах и узок в лице, с длинным носом и губами, которые всё время казались испачканными, даже когда были чисты.

— Он точно там останется? — спросил Филипп, кивнув на льва.

— Пока дверь закрыта, останется, — сказал Миша.

— Я про другую, круглую. Пока вы пол снимете.

— И там останется.

Филипп посмотрел на Антона, и тот подтвердил кивком. Конюх не поверил до конца, но лошадь отвёл.

Цезаря перевели в круглую ограду. Сегодня без публики всё выглядело медленнее и труднее: зверь долго стоял в проходе, тёр щекой край двери и не хотел делать последний шаг. Антон не торопил. Назвал его по имени, отступил, дождался, пока тот двинется сам. Миша закрыл дверь перехода со стороны круглой ограды; отец проверил засов и только после этого позволил приближаться к пустой повозке.

Внизу пахло мокрой соломой и вьевшейся мочой. Миша снял наружную доску, за которой вчера нашёл труху. Под ней действительно сгнил край настила, но боковой продольный брус, на который тот опирался, оказался цел. Он проверил его остриём и простучал, потом вылез из-под повозки, держа снятый кусок перед собой.

— Две доски менять. Облицовку эту тоже. Железо внизу надо подтянуть, здесь крепёж разболтался.

Зотов присел, посмотрел на повреждение.

— Сегодня сделаете?

— Если дадите работать.

— Что ещё нужно?

Миша перечислил. Хозяин позвал служителя, послал за кузнецом и сам подал фонарь, хотя свет ещё был дневной.

Под днищем солнца не хватало. Отец принёс мешок под колени, постоял рядом и ушёл к Цезарю.

Миша не любил чинить после тех, кто делал наскоро, но у этой работы нашёлся свой порядок. Старая доска вышла с трудом: проржавевшие головки ломались, одна полоска железа не давала вынуть край. Он не стал вырывать; снял крепление, сохранил то, что ещё годилось, и примерил новый кусок. Дерево было светлым, почти белым рядом со старым настилом. На мгновение захотелось заменить всё, довести до одинакового цвета, однако остальной пол держался крепко. Красота здесь ничего не прибавляла.

Филипп подносил, что просили. Каждый раз, проходя мимо круглой ограды, он косился на льва; наконец тот поднялся, и конюх выронил из рук горсть скоб. Миша остался сидеть на корточках. Цезарь всего лишь переменил место: отошёл туда, куда легла тень, и снова вытянулся.

— Он смотрит, — сказал Филипп.

— Пусть смотрит.

— Вам легко.

Миша поднял голову. Конюх стоял с пустыми руками, красный от стыда, и ждал насмешки. У Миши в детстве тоже дрожали колени перед клеткой, но отец называл это воспитанием храбрости, а публика смеялась, если он высыпал ведро мимо. Вспоминать было неприятно прежде всего потому, что теперь очень хотелось сказать Филиппу что-нибудь быстрое и остроумное.

— Собери железо, — попросил он. — Я пока подержу. К решётке тебе подходить не нужно.

Филипп присел, стал подбирать скобы по одной. Потом работа пошла легче. Кузнец пришёл с подручным; пока они занимались нижней обвязкой и креплением, Миша подогнал последние доски. Один из старых болтов оставили только как образец и послали за новым. Зотов спросил, долго ли ждать; услышав ответ, молча пошёл договариваться о погрузке на утро.

Когда настил был готов, Миша забрал инструмент и осмотрел повозку снаружи. Большие колёса, толстые оси, железные полосы на углах — всё выглядело тяжелее, чем в полутёмном сарае. Филипп показал, как закрепляют тормозную колодку, посетовал на один скрипучий ступичный узел. Кузнец, ещё не успевший уйти, осмотрел его, велел смазать и сказал, что видимой поломки нет. Миша не стал делать вид, будто разбирается лучше.

— Пол я сделал, — сказал он Зотову. — Дальше пусть ваш возчик смотрит. Это его дело.

— Смотрит. Завтра со станции будет местный, знает дорогу.

Цезарь вернулся неохотно. Поставил лапу на свежую доску, понюхал, поднял голову к Антону. Отец ждал снаружи, у боковой решётки, ничего не требуя. Зверь вошёл, развернулся, поскрёб солому, которую заранее настелили поверх ремонта. Миша закрыл дверь и впервые за вечер позволил

себе выпрямиться до конца. Ныло всё, от поясницы до плеч.

Антон стоял у клетки. Цезарь лёг близко к его ногам, отделённый железом, и смотрел вверх. Отец произнёс что-то тихое, совсем без сценической интонации. Лев моргнул и положил голову на лапы.

Миша смотрел на них дольше, чем хотел. В этом молчаливом ожидании была такая близость, которой Антон никогда не показывал при людях: никто не должен был хлопать, никто не обязан был отвечать.

— Я женюсь, — сказал Миша.

Отец повернулся.

— Поздравляю. Ты писал.

— Её зовут Лидия.

— Знаю. Ты и это писал.

— Хотел бы, чтобы ты познакомился.

Антон прикрыл глаза от солнца, которое теперь светило прямо в ворота сарая.

— Когда?

— Сегодня. Если ещё не поздно. Чаю попью.

— У неё?

— У них. С отцом.

Старший Вересов оглядел себя: пыльные брюки, рукава, закатанные выше локтя, пятно на колене. Потом посмотрел на жилетку, висевшую у стены.

— Чаю, значит, — сказал он. — Не представление.

— Просто чаю.

— Хорошо. Подожди, переоденусь.

* * *

Афанасий Иванович встретил их в мастерской. На столе под тяжёлыми досками лежали переплётёты; возле лампы стояла тарелка с крошками, и хозяин торопливо отодвинул её, словно гости пришли проверять именно его привычку есть на рабочем месте.

Лидия появилась из задней комнаты. Сначала посмотрела на Мишу, потом на Антона, и сын укротителя успел увидеть, как её удивление переходит в удовольствие. Отец, вымытый и одетый в тёмный пиджак, поклонился ей без всякого показа.

— Виноват, что раньше не пришёл. Михаил бережёт меня от хороших людей.

Миша почувствовал, как напряглись плечи, но Лидия ответила спокойно:

— Проходите. Мы его тоже не каждый день видим.

Антон посмотрел на неё внимательнее, будто заметил невесту только после этих слов.

За столом поначалу говорили о погоде, работе и дороге. Афанасий Иванович спросил, трудно ли возить зверей по железной дороге; Антон стал рассказывать о погрузке, о чиновнике, который хотел считать обезьяну багажом, и о другом, считавшем, что для неё нужен человеческий билет. Миша не

знал, было ли это на самом деле. Но хозяин смеялся, Лидия наливала чай, и исправлять рассказ не хотелось.

Потом разговор перешёл на переплёты. Антон неожиданно спросил, можно ли восстановить книгу, у которой пропала половина корешка.

— Можно, — ответил Афанасий Иванович. — Смотря что внутри.

— Внутри всё цело. Стихи. Жена любила.

Миша поставил чашку. Мать умерла шесть лет назад; её книги остались у Нины, и он был уверен, что отец ни одной не взял. Антон заметил движение сына, однако продолжил говорить с хозяином.

— Я вожу с собой. На стоянке сырость, в дороге трясёт. Упаковывал, да куда там. Сколько будет стоить?

— Принесёте, посмотрю.

Антон замялся, потом достал из внутреннего кармана плоский свёрток. Развернул тряпицу. Книга оказалась небольшой, с обломанными уголками; на тёмной крышке Миша узнал узор, который видел когда-то у матери на коленях.

— Я с собой взял. Нина утром сказала, кто вы. Думал, если время будет...

Афанасий Иванович отодвинул чашку и осторожно раскрыл книгу. Проверил несколько сгибов, провёл пальцем по рассыпающейся ткани корешка.

— Оставляйте. Михаил заберёт, когда сделаю.

Антон не сразу отнял руку от края тряпицы. Потом сложил её и сунул обратно в карман. Лидия поймала Мишин взгляд и чуть коснулась ногой его сапога под столом.

После чая Афанасий Иванович повёл Антона показывать пресс. Отец слушал внимательно, задавал вопросы о давлении и клее, не пытаясь превратить чужую работу в повод для своей истории. Миша остался с Лидией у стола. Она собирала чашки; он встал помочь, взял две, едва не стукнул одну о другую и поставил обратно.

— Нормально всё, — сказала она тихо.

— Я вижу.

— Тогда перестань караулить.

Миша посмотрел в мастерскую. Отец держал перед собой маленькую книжку без обложки, осторожно, двумя руками. Афанасий Иванович объяснял что-то, проводя пальцем вдоль сгиба; оба мужчины стояли плечом к плечу, одинаково наклонив головы. Мише вдруг стало стыдно не за Антона, а за всю подготовленную заранее защиту от него.

Уходили уже в сумерках. Лидия вышла к калитке, простилась с Антоном и оставила руку в Мишиной на лишнюю секунду. Он хотел поцеловать её, но отец ждал рядом. Лидия сама поднялась на носки и коснулась его щеки.

Антон ничего не сказал, пока они не отошли от дома.

— Хорошая, — произнёс наконец.

— Знаю.

— С тобой и поговорить не о чем. Ты всё знаешь?

— Не всё.

Отец остановился под фонарём и тронул внутренний карман пиджака. Вынул пустую тряпицу, посмотрел на неё, сложил опять.

— Заберёшь, когда сделает?

— Заберу. Ты читаешь её?

— Иногда открываю. Она там карандашом отмечала.

Антон убрал тряпицу и пошёл дальше. Заговорил о завтрашней дороге, о том, что в Гирсове встретят люди от фабрики, что Зотов наконец нанял толкового человека для разгрузки. Миша слушал, иногда отвечал. Слова о книге ещё оставались рядом, хотя отец уже спрашивал, не сменили ли булочную возле поворота и где теперь печёт тот толстый человек, который давал им в долг.

Глава 4. До станции и обратно

Утром Миша вышел раньше обычного, с узлом, в котором лежали сменная рубаша и еда на день. Инструменты он забыл у зверинца — не все, только собственную стамеску, угольник и маленький молоток, завернутые после ремонта в мешок. Вечером, выходя с отцом к Лидии, оставил их под пустым ящиком и вспомнил уже дома. Теперь предстояло забрать до погрузки.

На месте разобранного сарайного выступа лежала солома. Повозки были готовы, разборную ограду связали частями и уложили отдельно. Над львиной клеткой натянули плотное полотнище, прикрыв её сверху и с боков от лишних взглядов. Из-под края виднелись большие колёса и отцовский сапог.

Антон сидел на низкой скамейке, зажав правую руку между коленями. Левой растирал основание большого пальца. Увидев сына, встал слишком быстро, с той бодростью, которой люди иногда опровергают собственный возраст.

— А ты зачем?

— За инструментом.

— Правильно. Под ящиком остался. Я хотел передать.

Миша нашёл мешок, развернул, проверил. Стамеска на месте, угольник тоже. Молотка не было. Он оглянулся на отца, тот показал на переднюю часть повозки: Филипп приби-

вал ременную петлю к ящику с кормом.

Конюх, заметив Мишу, перестал стучать и сразу отдал молоток.

— Спасибо. Не знал, чей.

Он выглядел так, будто ночь провёл на ногах. Под глазами лежали тёмные тени, воротник был расстёгнут. Рядом с ним стоял молодой слугитель, которого Миша вчера видел лишь мельком: рыжеватый парень с бинтом на кисти. Он придерживал здоровой рукой ремень и старался не показывать, что больно.

— Что случилось? — спросил Миша.

— Ящик прищемил, — ответил парень. — Пустяк.

— Пустяк, а канат держать не можешь, — произнёс Зотов за его спиной. — Я тебе не за боль выговариваю. Сказал бы сразу, человека искали бы вчера.

Парень отвернулся. Миша убрал инструменты, собираясь уходить, но Зотов попросил его подержать край полотнища, пока закрепляют. Это было дело на минуту. За ним нашлось другое: ремень не проходил в петлю, мешал завернувшийся угол. Затем лошадь переступила, и пришлось подождать, чтобы Филипп закончил упряжь.

Когда всё было готово, солнце поднялось над крышей. Миша посмотрел на его свет, потом на дорогу к мастерской. Захар Ильич ещё не успел бы рассердиться, но задержка уже перестала быть незаметной.

Антон вышел из-за клетки, вытирая лицо платком.

— Вот теперь езжайте, — сказал он Филиппу. — Я пешком рядом.

— Вам бы сесть, — ответил конюх.

— Успею.

Миша глянул на отцовскую руку. Антон держал её свободно, однако пальцы не распрямлял до конца. Он увидел этот взгляд и сам объяснил:

— По утрам ломит. Днём проходит.

— Давно?

— Сколько мне лет? Столько и давно.

Зотов разговаривал с нанятым рабочим о станционной погрузке. Миша слышал обрывки: второй человек не пришёл; другого возьмут на месте; в Гирсове обещали встретить, но нужно ещё снять повозку, собрать ограду и проверить, как встал переход. Всё это было обычной работой зверинца, которой он больше не касался. Он даже любил думать о ней как о законченной части жизни.

— Я до станции пройду, — сказал он отцу.

Антон кивнул, как будто другого ответа и не ожидал, но затем остановился.

— Тебе же в мастерскую.

— По дороге зайду. Дальше до погрузки помогу.

— Скажи, я заплачу за день, — предложил Зотов.

Миша покачал головой. Ему не хотелось, чтобы решение сразу стало наймом. Он пошёл к Захару Ильичу, оставив узел на ящике рядом с отцом.

Хозяин выслушал без удивления. Только спросил, надолго ли.

— До погрузки. Если понадобится, до Гирсова проеду и обратно. Не дальше.

Слова появились прежде, чем Миша решил, что они означают. Захар Ильич посмотрел на него, потом на стоявший у стены недоделанный шкаф.

— Твою часть закончим без тебя. За сегодняшний день не получишь. В понедельник нужен здесь.

— Буду.

— С утра. Не к обеду.

Миша кивнул и вышел. Он знал, что хозяин сердится меньше, чем имеет право, и эта умеренность была неприятнее брани.

* * *

На товарном дворе всё двигалось слишком медленно для человека, который собирался вернуться к обеду. Сначала ждали свободного места, затем работников, затем бумаги, которую Зотов унёс и не сразу принёс обратно. Клетки стояли прикрытые. Служитель с перевязанной рукой сидел на ящике, отцепив от себя ненужную теперь сумку с мелким инструментом; барабанщик Матвей ходил вокруг него и всё спрашивал, больно ли.

Матвею было семнадцать, но рядом с ранением он сразу

делался ребёнком. Сам недавно вытянулся, рукава стали коротки; в каждом движении чувствовалась обида на неудобное тело. Миша вспомнил себя в его возрасте, только не стал от этого добрее: чужие вопросы мешали сосредоточиться.

— Принеси воды, — попросил он. — И ему, и себе.

Матвей обрадовался поручению. Вернулся с ведром, расплескав часть по дороге, и сел рядом с товарищем. На несколько минут стало тихо.

Погрузка тяжёлой повозки потребовала всех нанятых людей. Миша делал только то, что ему показывали опытные грузчики, и отцу не позволял браться за тяжесть одной большой кистью. Антон раздражался, пробовал шутить, но дважды действительно не удержал мелкую застёжку и отдал её сыну.

— Сырость была ночью, — объяснил он.

Миша не спорил. Работа закончилась без новой ссоры. Повозку закрепили, проверили, убрали лишнее; за прикрытой решёткой послышался глухой удар. Цезарь переменял положение. Филипп отступил сразу на два шага.

— Не к тебе он, — сказал Антон.

— Я знаю.

Он явно не знал. Миша почувствовал странную, почти родственную жалость к этому большому человеку, который согласился на работу с лошадьми, а теперь должен был всё время находиться возле льва. Зотов не обманул его насчёт зверинца; Филипп сам рассказал, что рассчитывал привык-

нута. Лошади его слушались лучше людей, и он думал, что с остальными животными будет похоже.

Когда наконец стало ясно, что до отправления осталось недолго, Миша мог уйти. Инструмент был при нём, отцовские вещи погружены, клетка закрыта. Он даже сделал несколько шагов к выходу со двора. Потом услышал, как Антон объясняет Филиппу устройство перехода, а тот кивает, глядя в сторону лошадей.

Миша остановился.

— Я с вами доеду, — сказал он. — Разгрузиться помогу.

Отец не сразу ответил.

— Зотов, — позвал он, — сын с нами.

Миша хотел добавить «только до Гирсова», но уже говорил Зотов, благодарил, объяснял, как добраться обратно. Возможность возвращения звучала просто: поездом либо с одной из подвод в город. У фабрики люди ездили туда и обратно постоянно. К вечеру он должен был успеть, если не тратить время зря.

— Мне написать надо, — сказал Миша.

Он достал из кармана огрызок карандаша, выпросил у Зотова клочок бумаги. Написал Лидии, что поехал помочь с перевозкой и вернётся, как закончат. Не стал обещать час. Потом дописал про воскресенье: «Помню». Сложил бумагу и отдал человеку, который привёз на станцию их последние вещи и возвращался тем же путём в город. Объяснил адрес переплётчика, дождался, пока посыльный повторит.

Отец стоял рядом, держал Мишин узел.

— Ты мог не ехать, — сказал он.

— Мог.

— Я бы справился.

— Знаю.

Антон хотел что-то ответить на это слово, но передумал. Отдал узел, поправил сыну подвернувшийся воротник и пошёл к остальным.

* * *

Дорога оказалась короткой по сравнению с ожиданием. За окном проходили поля, тёмные полосы леса, отдельные строения; Миша пытался узнать, где они находятся, и скоро перестал. Он знал окрестности города пешими прогулками и поездками по заказам, однако железная дорога показывала всё с непривычной стороны.

Антон сидел напротив. Везли их не вместе со зверем: к Цезарю можно было подойти лишь на остановке, и отец делал вид, что спокойно переносит эту разлуку. Достал папиросу, покрутил, убрал. Потом стал рассказывать, как однажды в дороге у него сбежал попугай. Миша слушал вполуха, пока не понял, что истории не помнит.

— Далеко улетел?

— До крыши. Дальше оказался умнее нас. Там и сидел. Мы с лестницей, он на другой край. Мы на другой край, он

обратно.

— Сняли?

— Сам слетел. К женщине, у которой семечки были.

Антон засмеялся и потёр кисть. Миша смотрел на него через солнечную полосу, падавшую из окна. Отец был уже не тот красный, уверенный человек с афиши; возле шеи кожа собиралась мелкими складками, на подбородке остался пропущенный бритвой серый островок. Если смотреть долго, хотелось помочь ему во всём сразу. Если слушать долго, желание проходило.

— Ты бы к Нине пожить приехал, — сказал Миша. — Когда ребёнок родится.

— Они и без меня тесно живут.

— Вот это ты заметил.

Антон отвернулся к окну. Миша пожалел о реплике, но не нашёл простой замены. Сказать «прости» значило бы начать разговор, для которого в вагоне не было ни места, ни времени.

До Гирсова доехали уже после полудня. Пока разгружались, прибыл человек от фабрики — сухой, загорелый, с лицом, которое словно вырезали из одного куска дерева. Назвался Саввой, привязал двух своих лошадей и сразу пошёл смотреть повозку. Потом сам провёл новую упряжку мимо клетки, спокойно, не разрешая Матвею приближаться с барабаном.

— Этим пугать будете — до ночи не тронемся, — сказал

он.

Матвей отнёс барабан подальше. Савва осмотрел колёса, тормоз, крепление дышла, спросил Филиппа, как повозка ведёт себя на спуске. Тот ответил охотно: наконец заговорили о том, что он знал. Зотов принёс бумаги, пересчитал людей и дал последние распоряжения. Сам должен был остаться ещё ненадолго на станции с частью груза; другие клетки и сложенная ограда пойдут следом.

— Вы с ними, — сказал он Мише. — До места помогите. Там накормят, а обратно Савва человека найдёт.

Миша посмотрел на отца.

— Там недалеко, — ответил Антон, хотя сын ничего не спросил.

Савва пожал плечами.

— До фабрики немного. Только дорога не улица. Если дождём подмыло, обойдём.

Дождь прошёл накануне ночью здесь, севернее города. В Вятке Миша его не слышал. Он потрогал рукав, на котором позавчера было масло, и подумал о колыбели: до вечера ещё оставалось время. Можно вернуться поздно, лечь на несколько часов, закончить утром. Лидия поймёт.

На дороге от станции повозка шла тяжело и ровно. Савва сидел впереди, Филипп шагал возле лошадей, Антон и Миша — по другую сторону от колёс. За полотнищем было тихо. Только один раз Цезарь негромко рыкнул, и лошади сразу подняли головы. Савва придержал их голосом; Миша

невольно вслушался в его спокойное бормотание. Так отец когда-то говорил со львом, когда никто не мешал.

Они миновали несколько дворов, свернули с более наезженного пути. Лес подошёл ближе. Воздух стал прохладнее, запахло сырой землёй и нагретой корой. Савва оглянулся, показал кнутовищем вперёд:

— Там низинка. Сойдите с дороги, я проведу.

Все и так шли пешком. Миша сперва не понял, зачем возчик сказал это, потом увидел узкий край проезда, размокший возле канавы. Отступил на сухую траву и подождал. Лошади поставили копыта осторожнее. Под задним колесом мягко хлопнуло, и повозка качнулась.

Глава 5. На свободе

Савва придержал лошадей. На мгновение повозка остановилась косо, ещё не падая, и Миша успел подумать, что придётся разгружать часть вещей, подкладывая под колесо доски. Он даже повернулся к мешку с инструментом, привязанному у передка. Потом земля под правым задним колесом осела целым пластом.

Тяжёлая клетка повалилась в канаву. Сухо треснуло дерево, полотнище взметнулось, как парус. Передок развернуло поперёк проезда; Савву выбросило с сиденья, и он исчез за колесом. Филипп закричал на лошадей. Одна рванулась вперёд, другая встала на дыбы так близко, что Миша увидел тёмную подкову над собственной головой.

Он отскочил влево, наткнулся плечом на отца. Оба едва устояли. Антон схватил сына за пояс и толкнул дальше от повозки, а сам обернулся к клетке.

Изнутри ударил львиный рёв. Он был коротким, совершенно не похожим на тот звук, который в сарае встречали смехом и хлопками. Миша почувствовал его в груди раньше, чем разобрал слухом.

— От лошадей! — крикнул Савва снизу.

Значит, живой. Миша сделал шаг к нему, но передняя часть повозки ещё двигалась. Большое колесо провернулось, ударилось о камень и встало; упряжь натянулась с таким

скрипом, что Филипп закричал снова, уже на людей.

Конюх был у лошадиных голов, держался сбоку, говорил быстро, грубо, почти ласково. Ему удалось остановить животных на несколько мгновений. За это время Миша увидел Савву: тот лежал на левом краю дороги, опираясь локтем на землю. Кнут потерялся. Возчик смотрел не на свою ногу, странно подогнутую под ним, а на лошадей.

— Отведи их, — выговорил он. — Филька, отведи.

Филипп принялся освобождать упряжь, пользуясь короткими промежутками, когда животные позволяли подойти. Миша хотел помочь, однако ничего не понимал в спутанных ремнях, а пространство между передком и лошадьми оставалось опасным. Он подполз к Савве с другой стороны, придержал его за плечо.

— Не вставайте. Сейчас людей позовём.

— Лев-то где?

Миша посмотрел на клетку.

Она лежала наклонно, упёршись правым задним углом в толстый обрубок дерева на краю канавы. Полотнище сползло набок. Один из брусьев рамы расщепился от удара; железная обвязка отогнулась, и решётчатая стенка возле угла отошла от основания. Свежие доски, которые Миша ставил вчера, были целы. Между ними и перекошенной стенкой темнела неровная щель.

Отец стоял у задней части повозки, на дороге. В руке держал хлыст; Миша не видел, откуда он успел его достать. Ан-

тон смотрел в щель и ничего не говорил.

Сначала там появилась лапа.

Она вышла из темноты осторожно, нащупала край, отдёрнулась. Потом на свет высунулась морда, прижатая сбоку к погнутому железу. Цезарь повернул голову, попробовал протиснуться плечом. Стенка скрипнула. Миша увидел, как с края сыплется мокрая труха и обломки свежего раскола.

— Отец, отойди.

Антон поднял свободную руку, не оборачиваясь. Знакомый знак: молчи, я сам.

Миша встал. Савва ухватил его за штанину, и это остановило надёжнее любого слова. Возчик не просил ничего; просто держался за живого человека.

Цезарь вылез в канаву. На мгновение его закрыли плотно и кусты; потом грива поднялась над травой. Лев стоял ниже дороги, тяжело дышал открытым ртом. На морде застряла соломинка. Он был больше, чем в клетке, хотя Миша знал, что такого не бывает.

Отец произнёс его имя.

Цезарь повернулся к голосу.

— Тихо, — сказал Антон. — Тихо, мой хороший.

Лев сделал шаг вдоль канавы, выбираясь туда, где берег был положе. Антон отступил от заднего колеса, оставляя ему место. Миша видел это движение и не мог понять, чего отец добивается: хочет отвести зверя от раненого или всё ещё надеется вернуть в разбитую клетку.

Филипп отвёл первую лошадь дальше по дороге, вторую придерживал за узду. Обе дрожали. Одна резко всхрапнула, потянулась в сторону, и конюху пришлось идти за ней. Цезарь поднял голову. Глаза его скользнули по людям, по светлomu полотнищу, по лошадиным ногам.

Антон шагнул вбок и снова позвал.

— Цезарь.

Теперь зверь смотрел прямо на него. Отец опустил хлыст, не занося для удара. Вся сцена вдруг стала похожа на вчерашнюю: человек ждёт, животное узнаёт, надо только не мешать. Миша почувствовал, как эта привычная надежда поднимается в нём против воли.

Савва застонал.

Лев повернул голову на звук. Миша стоял рядом с лежащим человеком, без решётки, без двери, без расстояния, которое можно было бы успеть увеличить. Он не помнил, когда успел сжать кулаки. Разжал пальцы, потому что в ладонях было больно.

— Смотри на меня, — сказал отец зверю.

Голос его не дрожал. Цезарь сделал ещё один шаг, потом остановился и понюхал воздух. С края гривы падала вода, которой он испачкался в канаве. Большой хвост медленно пошёл из стороны в сторону.

Где-то впереди лошадь заржала — высоко, резко, почти по-человечески. Лев развернулся. Миша увидел сильную спину, длинные задние ноги, светлую внутреннюю сто-

рону бедра. Зверь пересёк край канавы и ушёл в кусты тремя широкими движениями. Листья раздались, качнулись и сомкнулись за ним.

Отец двинулся следом.

— Стой! — крикнул Миша.

Антон замер на том месте, где Цезарь вышел с дороги. Смотрел между кустами, подняв голову, будто мог видеть сквозь них. Миша хотел окликнуть ещё раз, но Савва дёрнул его за штанину.

— Воды.

Миша присел. Руки внезапно сделались неловкими; он не мог вспомнить, где их ведро, хотя видел его перед отъездом. Ведро было привязано к другой повозке. У них имелась бутылка, у отца в дорожной сумке, и сумка осталась на клетке, с безопасной, верхней теперь стороны.

— Отец. Подай сумку.

Антон не ответил.

— Воду, — сказал Миша громче. — Савве.

Отец обернулся. Лицо у него было пустое, удивлённое. Потом он вернулся к повозке, снял сумку и принёс. Сел рядом с раненым, открыл бутылку. Савва попытался подняться на локте, заскрипел зубами и снова опустился.

— Ногу не трогай, — сказал Антон. — Лежи. Сейчас привезём людей.

Миша посмотрел на него. Отец говорил так уверенно, что трудно было поверить: минуту назад он собирался идти в лес

Один.

* * *

Филипп увёл лошадей на более широкий участок, привязал там, где они не видели разбитой клетки, и вернулся пешком. Он был белый, с тёмной полосой грязи поперёк лба. Услышав, что лев ушёл, сел прямо на дорогу.

— В какую сторону?

Антон показал.

Филипп поднялся так же быстро, как сел.

— Надо людей предупредить.

— На станцию, — сказал Миша. — Зотов ещё там или встретишь по пути. Пусть другие сюда не едут. Нужна подвода Савву везти и кто лечит.

— Я один?

Этот вопрос остановил Мишу. До станции был обычный путь, по которому они только что проехали, но теперь ни один куст не казался обычным. Он посмотрел на отца, потом на Савву. Оставить раненого вдвоём с Антоном было возможно. Идти вместе с Филиппом означало хотя бы не отпускать испуганного человека одного.

— Езжай верхом, — сказал Савва. — На гнедой. Вдоль дороги. Не через лес.

Голос у него звучал слабо, но Филипп сразу послушался. С лошадью он понимал, что делать, и верхом дорога переста-

ла казаться бесконечной. Конюх спросил, где найти лекаря; Савва назвал человека при фабрике, велел Зотову послать туда отдельно. Потом затих, закрыв глаза.

— Ты сначала останови наших, — повторил Миша. — И дворы по пути. Скажи, чтобы детей домой забрали.

Филипп кивнул. Снял картуз, вытер лоб рукавом и пошёл к лошадям. Миша смотрел ему вслед, пока не услышал знакомый перестук копыт. Гнедая прошла мимо них в сторону станции, насторожённая, с поднятой головой. Филипп держался прямо, будто сидел на глазах у начальства.

Оставшись, они перетасили к Савве край сорванного полотнища, чтобы прикрыть от солнца. Самого его без нужды не двигали. Он лежал на достаточно ровном сухом месте; под голову Миша положил свёрнутую сменную рубаху, вынутую из уцелевшего узла. Нога болела сильнее, когда возчик пытался сам изменить положение, и Антон всякий раз останавливал его одним и тем же коротким словом.

— Лежи.

Савва сердился. Он хотел знать, целы ли лошади, где лежит кнут, можно ли поднять повозку до темноты. О льве спрашивал реже. Миша отвечал, не обещая лишнего. Кнут нашёлся у переднего колеса, переломленный пополам; показывать его пока не стал.

Отец ходил вдоль дороги туда и обратно. Не удалялся больше чем на несколько шагов, но всё время вглядывался в кусты. Один раз поднял с земли клочок шерсти, зацепив-

шийся за железо, долго смотрел, потом оставил на раме. Миша видел, как он сдерживает желание позвать снова.

— Не надо, — сказал он.

— Я ничего не делаю.

— И не делай.

Антон остановился.

— Ты думаешь, я его сюда вызову?

Миша посмотрел на Савву. Возчик лежал с закрытыми глазами, но слушал: у него двигалась челюсть, словно он пережёвывал чужие слова.

— Я не знаю, куда он пойдёт, — ответил сын.

Отец отвернулся. В другой день Миша продолжил бы спор, потребовал ответа, заставил бы Антона признать, что и тот не знает. Сейчас ему хотелось только, чтобы Филипп скорее вернулся с людьми.

Время утратило привычные размеры. Солнце ещё стояло высоко, однако тень от повозки заметно передвинулась, и Миша дважды поправлял полотнище над Саввой. Мухи садились на мокрую землю возле канавы, на лошадиный пот, на чужое лицо. Возчик отмахивался рукой, пока не устал. Тогда Миша сорвал широкую ветку и стал отгонять их сам.

— Дома кто? — спросил он, чтобы Савва не молчал так долго.

— Жена.

— Ей передадут.

— Не так скажут.

— Тогда сам скажешь, как приедешь.

Савва открыл глаза.

— Она подумает, опять выпил.

— Ты не пил.

— А она сразу подумает.

Миша не нашёл, что ответить. Антон присел с другой стороны.

— Я скажу, — произнёс он. — Что ты трезвый был. При мне всё.

Савва посмотрел на него, словно только теперь расслышал.

— И про лошадей скажи.

— Скажу.

Потом возчик спросил, заплатят ли ему за изломанную упряжь. Миша хотел ответить утвердительно, но отец опередил:

— С Зотовым разберём. Сейчас не считай.

— Мне считать надо. У него зверь, у меня лошадь.

— Обе целы, — напомнил Миша.

— Пока целы.

Он повернул лицо в сторону леса, и разговор оборвался.

* * *

Филипп вернулся с Зотовым и тремя мужчинами. Другие повозки он успел остановить у дворов ближе к станции; там

оставались Матвей, перевязанный слугитель, медведица в своей клетке, две обезьяны и ящики с птицами. Зотов рассказал это сразу, будто Миша мог обвинить его, что забыл остальных.

С ними пришёл фабричный фельдшер — молодой человек в пыльной шляпе, сердитый от быстрой дороги. Сперва осмотрел Савву, попросил лишних отойти, потом распорядился, как приготовить привезённую подводу. Миша делал, что велели. Когда раненого поднимали, Савва закричал; голос его сорвался, и Миша почувствовал под ладонью живую дрожь чужого тела. Ему хотелось закончить всё одним движением, лишь бы больше не слышать, но фельдшер заставил остановиться и поправить положение.

Зотов в это время осматривал клетку. Обошёл её с дороги, не спускаясь к кустам, потрогал расколотый угол. Долго молчал. Потом спросил, где именно зверь ушёл.

Антон показал.

— Давно?

— Сразу после падения.

— Пошли искать?

Миша поднял голову. Отец стоял рядом с хозяином, и оба смотрели в лес так, словно дело всё ещё можно было исправить до вечернего представления.

— Савву отвезём, — сказал он.

— Его отвезут. Люди есть.

— И людей предупредим.

Зотов провёл ладонью по лицу. На щеке осталась тёмная полоса от повреждённого дерева.

— Предупреждают уже. Я послал. Что же нам тут стоять?

Один из местных мужчин, державший подводу, покачал головой.

— Вы без ружья туда не ходите. Он теперь ваш ли?

Антон посмотрел на него резко, почти с ненавистью. Мужчина не отступил, только поправил удила лошади. Она косилась на повозку-клетку и переступала, чувствуя незнакомый запах.

— Я его знаю, — сказал отец.

— А лес знаете?

Антон не ответил.

Миша положил на подводу свой узел, теперь без рубашки: та оставалась под Саввиной головой. Инструмент перевесил через плечо. Он всё ещё мог уйти с Саввой, доехать до людей, отправить в город весть и заняться тем, для чего проснулся утром. Отец не просил его остаться. Стоял у края дороги с хлыстом, слишком коротким для всех новых расстояний.

— Один ты не пойдёшь, — сказал Миша.

Антон повернулся к нему.

— Значит, вдвоём.

— С человеком, который знает место. Сначала найдём его.

Хозяин зверинца посмотрел на обоих, потом на разбитую

клетку. Впервые за всё время Миша увидел, как Зотов не может решить, за что взяться раньше.

Подвода тронулась в сторону фабричных домов. Савва лежал, глядя в небо; фельдшер сидел рядом, придерживал его при толчках. Последним по дороге ушёл мужчина, державший лошадь. Перед поворотом он обернулся и крикнул:

— Брагина спросите. Егора. Если дома.

Отец уже шёл за подводой. Миша догнал его, не оглядываясь на лес, хотя спина всё время ждала движения за собой.

Глава 6. Человек на крыше

К вечеру у фабричных домов уже знали больше, чем произошло на дороге. Цезарь успел съесть одну лошадь, вторую покалечить, разорвать возчика и уйти в сторону пристани. Пока Миша объяснял первой встретившейся женщине, что обе лошади целы, от соседнего двора крикнули: «А человека куда повезли?» Отвечать приходилось с самого начала.

Фельдшер принял Савву в помещении при фабрике. Мишу оставили за дверью; оттуда доносились короткие вопросы, шорох одежды и ругань раненого. Когда пришла его жена, маленькая женщина в тёмном платке, отец сам вышел ей навстречу.

— Он не пил, — сказал Антон.

Она остановилась, посмотрела на чужого человека и спросила:

— Ноги целы?

Отец не знал. Врачебного ответа ещё не было, а собственное обещание Савве теперь прозвучало нелепо. Миша назвал себя и объяснил, что повозка упала, муж жив, разговаривает. Женщина прошла мимо него, прижимая к груди принесённую рубаху.

Зотов подошёл позднее. Филипп вернулся за лошадьми, другую часть зверинца переводили сюда обходом; разбитую клетку оставили на месте до людей и приспособлений, кото-

рыми можно было её поднять. Хозяин ходил быстро, но всё время останавливался, пересчитывая новые дела. Нужно было кормить животных, находить место для оставшихся клеток, платить людям, отвечать на вопросы и объяснять, что представления сегодня не будет.

— Возвращайте деньги, — сказал пожилой мужчина у ворот.

— За непроданные билеты? — спросил Зотов.

— Мы приехали смотреть.

— Я тоже не собирался здесь лечь спать.

Мужчина обиделся, начал рассказывать, сколько ему стоила дорога. Зотов слушал, уже глядя поверх его головы. Мише было противно это равнодушие, но когда с тем же вопросом подошёл следующий человек, он ощутил точно такое же желание отвернуться.

Брагина нашли в Мурыгине, на крыше собственного дома. Снизу была видна только половина человека: плечи в выцветшей рубашке, загорелая шея, руки, перекладывавшие тесину. У лестницы стоял мальчик лет четырнадцати и крепко держал обеими руками боковины, хотя отец наверху двигался уверенно.

— Егор! — позвал человек, приведший Вересовых. — Тут к тебе.

— Подождут, — ответил Брагин.

Антон открыл рот, однако Миша удержал его за рукав. Они стояли во дворе, где всё было занято своим делом: под

навесом сушились жерди, у стены лежали два перевёрнутых корыта, девочка перебирала вынесенные на солнце клубни и складывала плохие отдельно. Никто не выглядел человеком, ожидающим льва.

Егор закончил наверху, спустился, вытер ладони о колени. Был невысок, плотен, с тёмной бородой, в которой у подбородка уже появилось седое пятно. Глаза казались светлее из-за загара. Он взглянул на отцовский хлыст прежде, чем на лицо.

— Рассказывайте.

Антон начал с того, что зверь ручной. Егор слушал молча, время от времени переводя взгляд на Мишу. Когда отец дошёл до слов «только испугался», спросил:

— Он кого-нибудь тронул?

— Нет.

— Возчика чем?

— Повозкой выбросило, — ответил Миша. — Лев никого не трогал. Но он ушёл.

— Это я уже слышал.

Брагин сел на корыто. Мальчик у лестницы не уходил; отец велел убрать инструмент, и тот медленно двинулся к стене, растягивая каждый шаг, чтобы расслышать больше.

Егор спросил, в каком месте упали, куда пошёл зверь, кто его видел последним. Антон говорил уверенно, пока дело касалось самой минуты выхода. О направлении дальше пришлось отвечать Мише: отец смотрел вслед льву, но не заме-

тил ни поворота проезда, ни низкого места с водой, ни того, с какой стороны канава уходила в лес. Миша тоже знал немного. Они вдвоём сумели объяснить лишь то, откуда пришли и где должна была остаться клетка.

— Покажете, — сказал Брагин. — А сейчас чего хотите?

Антон развёл руками.

— Найти. Взять. Вернуть в клетку.

— Которая разбита?

— Сделаем другую.

— Когда?

Миша ответил за отца:

— Пока не знаем. Сначала надо посмотреть, что можно от старой оставить. Есть решётки разборной ограды. Можно...

Он замолчал. Дома, у верстака, всякую вещь сначала делали в уме; здесь его ещё не существовавшая клетка уже превращалась в средство, на которое собирались положить-ся живые люди.

Егор почесал бороду и встал.

— Я волка знаю. Медведя видел близко. Льва только на картинке. Если пойдём, вы скажете мне, что он умеет, а я вам — где мы стоим. И ружьё у меня будет заряжено.

— Стрелять нельзя, — быстро сказал Антон.

Брагин остановился возле двери.

— Тогда идите без меня.

Слова прозвучали без гнева, почти рассеянно. Он действительно собирался войти в дом, и отцу пришлось шагнуть

за ним.

— Я не то сказал. Стрелять сразу нельзя. Он подойдёт на голос.

— Может, и подойдёт. Мне сначала увидеть надо.

— Если вы дадите мне время...

Егор повернулся.

— Я вам не время даю. Я с вами иду. На меня прыгнет — стану стрелять. На вас — тоже. Если просто лежит, не стану из одного любопытства. Так годится?

— Годится, — сказал Миша.

Отец резко глянул на сына. Потом убрал хлыст под мышку и кивнул.

Из дома вышла жена Брагина. Дарья была крупнее мужа, с мягким лицом и тяжёлыми косами, уложенными под платком. Она услышала конец разговора, но спросила только:

— Надолго?

— До темноты. Место посмотрим.

— Корову я уже загнала. Степана возмёшь?

— Нет.

Мальчик, тащивший инструмент, остановился.

— Я дорогу знаю.

— Дома ты мне нужнее. Инструмент убери, щепки собери. На крышу не лезь, завтра сам закончу.

Степан сердито опустил мешок. Дарья посмотрела на него, затем на гостей.

— Есть будете?

Миша понял, что с утра съел только хлеб на станции. Но Антон уже отвечал, что потом, что нельзя терять свет. Дарья не стала уговаривать. Вынесла мужу свёрток и сунула в карман его куртки, когда он вышел с ружьём.

— Троим, — сказала она.

— Спасибо.

— И рубаху не потеряй. У тебя сегодня всё почему-то теряется.

Брагин посмотрел на рукав. Наверху он зацепился и надорвал ткань возле локтя. Миша увидел, как охотник едва заметно усмехнулся жене; в этой усмешке было что-то домашнее, совершенно не предназначенное для посетителей.

Они пошли втроём. У калитки Степан догнал отца, отдал небольшой нож в чехле. Егор потрепал его по плечу. Мальчик отступил, старательно не глядя на Вересовых.

* * *

К разбитой повозке вернулись другой дорогой, по совету Брагина. Тот не торопился, хотя вечер уходил. На развилке остановился, указал налево, где за деревьями был ближайший двор, и объяснил, куда выходить, если придётся расходиться. Антон слушал нетерпеливо, однако запомнил; Миша видел, как он повторяет названия мест вполголоса.

Ружьё Брагин нёс так, что Миша всё время замечал направление стволов. До этого он редко ходил рядом с воору-

жённным человеком. В детстве отец показывал публике старый револьвер, из которого грохотали пустым зарядом; здесь не было ничего похожего на реквизит. Дерево ложа потемнело от рук, металлические части не блестели, ремень был мягкий и стёртый.

Возле клетки стало тихо. После крика, лошадей и человеческой работы эта тишина казалась намеренной. На дороге лежал забытый обломок кнута, под колесом темнела свежая ямка. Миша увидел на земле клочок своей рубахи — нет, не рубахи, полотнища: похожий светлый цвет. Поднял и бросил обратно.

Егор осмотрел обочину, не подходя сразу к кустам. Попросил показать, где стояли люди, где лежал раненый. Антон отвечал коротко, с каждым вопросом теряя терпение.

— Вон туда ушёл. Я вам показывал.

— Вижу.

Брагин присел возле канавы. На мягкой земле сохранились широкие следы, перекрывавшие следы человеческих сапог и лошадиных копыт. Он долго смотрел на один, потом поставил рядом собственную ладонь, не касаясь отпечатка.

— Большой, — сказал он.

Антон ничего не ответил. В его молчании было почти удовольствие: наконец человек увидел то, о чём ему говорят.

Егор поднялся, проследил направление до кустов. Там трава была примята; дальше, под деревьями, землю скрывала хвоя. Охотник вошёл на несколько шагов, остановился,

вернулся. Спросил, не было ли крови на звере.

— Не видел, — ответил Миша. — Правую лапу он ссадил ещё до дороги. Но шёл.

— Ссадина небольшая, — сказал отец.

Брагин посмотрел на обоих.

— Вы про старую. После падения не знаете.

Миша кивнул. Антон нехотя сделал то же.

По следу они прошли недалеко. Цезарь пересёк узкую сырую ложбину, оставил отпечатки возле воды, затем вышел на сухое место. Брагин шёл впереди, останавливаясь там, где Миша не видел никаких причин останавливаться. Раз он показал шерсть на шершавой коре. Отец потянулся взять её, но охотник попросил пока оставить.

— Нам ещё назад идти. Тут видно будет.

За деревьями что-то хрустнуло. Миша остановился, чувствуя, как сразу высохло во рту. Егор поднял ладонь. Антон повернул голову и уже набрал воздух, чтобы позвать.

— Не надо, — прошептал Брагин.

Отец замер. Из кустов вылетела птица; ветка качнулась, осыпала сухую хвою. Миша выдохнул слишком громко, почти со свистом. Никто не засмеялся.

Ещё немного прошли и потеряли след окончательно. Брагин сделал широкий обход, всё время оставляя Вересовых в поле зрения, вернулся к последнему отпечатку и снова посмотрел на свет между деревьями. Антон спросил, почему они стоят.

— Потому что я не знаю, куда дальше, — ответил Егор.

— Может, позвать?

— Отсюда он может выйти с любой стороны.

— Так я услышу.

— Я могу не услышать.

Этот простой ответ остановил спор. Миша смотрел на тёмные стволы и пытался представить за каждым льва. Воображение справлялось слишком охотно; настоящего зверя от этого было не легче найти.

Брагин показал обратный путь.

— До темноты выйдем. Утром продолжим с того, что узнаем за ночь.

— За ночь он уйдёт, — сказал Антон.

— Может уйти.

— И всё?

Егор повернул голову к нему.

— Пока светло, к дороге выйдем. Я ещё домой собираюсь.

Отец отвернулся. Они пошли обратно. Миша ожидал, что Антон начнёт спорить с ним, когда охотник отойдёт вперёд, но тот молчал. Только один раз остановился, посмотрел в глубину леса и очень тихо выговорил:

— Дурак ты, Цезарь.

Брагин услышал. Ничего не сказал, дождался обоих возле канавы и перед выходом на дорогу ещё раз оглядел кусты.

У разбитой клетки Антон заметил львиную миску. Она выпала из-под погнутой стенки и лежала в канаве, наполови-

ну прикрытая полотнищем. Он нагнулся, не достал и попросил сына. Миша подцепил миску длинной веткой, подтянул к себе и подал отцу. Антон вытряхнул из неё грязь, но не бросил. Нёс всю обратную дорогу под мышкой, и сухая хвоя понемногу сыпалась ему на сапоги.

Глава 7. За закрытой дверью

Ночлег им нашёл Брагин. У Варвары Полушкиной, чей дом стоял на краю деревни, недавно съехал жилец, и свободная кровать ещё оставалась за занавеской. Второму можно было устроиться на лавке. Варвара согласилась за обычную плату, но велела сперва вымыться во дворе: с такими руками к её столу никто не садится, хоть сам начальник железной дороги.

Антон поставил львиную миску у крыльца. Хозяйка посмотрела на неё, потом на него.

— Это зачем?

— Не оставлять же.

— У меня из неё никто есть не будет.

— Я и не предлагаю.

Миша ждал, что она начнёт расспрашивать о происшествии. Варвара вместо этого дала ему кувшин и велела полить отцу. Вода текла по почерневшим пальцам, скапливалась в складках кожи. Антон никак не мог отмыть ладонь; Миша добавил ещё, и отец наконец сказал: хватит.

Брагин попрощался у калитки. Пообещал прийти утром, если за ночь не случится чего-нибудь раньше. Домой ему нужно было вернуться не только ради сна: жена и дети тоже ждали ответа, где теперь ходит зверь.

— Никуда ночью не выходите, — сказал он.

— Даже если услышим? — спросил Антон.

— Особенно тогда. Постучать к соседям успеете, если он уйдёт. А бегать по дворам не надо.

Отец не ответил. Миша проводил охотника взглядом и вернулся к умывальнику. Под ногтями оставалась тёмная земля, которой утром ещё не было в его жизни.

Варвара была женщина лет сорока, с длинным лицом и очень быстрыми руками. Пока они мылись, успела расставить миски, разогреть похлёбку и прикрикнуть на дочь, которая нарезала хлеб слишком толсто. Девушку звали Анфиса. Она была выше матери, тоньше, с густыми бровями, делавшими её серьёзной даже тогда, когда ей хотелось смеяться.

— Хлеб не бумага, — сказала Анфиса. — Тоньше — насквозь видно будет.

— Ешь потолще, кто тебе мешает. Гостям ровно режь.

Миша сел. На столе лежала вытертая клеёнка; у края её прожгли когда-то горячим углём и прикрыли повреждение маленькой деревянной подставкой. Всё стояло так, будто у каждой вещи здесь было своё единственно правильное место.

Антон ел молча. Ему хотелось сначала снять сапоги, но Варвара уже подавала, и он не решился задерживать. Миша видел, как отец вытягивает под столом одну ногу, потом другую. Подал ему хлеб, передвинул солонку. Обычно эту заботу можно было скрыть в общем движении. Сейчас они си-

дели вдвоём напротив хозяйки, и каждое движение становилось заметным.

— Савва как? — спросила Варвара.

— Остался у фельдшера, — ответил Миша. — Жена с ним. Больше пока не знаем.

— Его жена ко мне заходила. За чистым. Плакать начала, потом рассердилась. У неё так всегда.

Анфиса налила отцу ещё похлёбки. Он хотел отказаться, потом взял ложку снова.

— Ваша корова дома? — спросил Миша.

Варвара удивилась.

— Дома. От соседей ещё днём услышали, загнали. Чуть дверь не вынесла, всё назад просится. Ей до ваших страхов дела нет.

Анфиса улыбнулась.

— Белянка думает, мы на неё обиделись.

— Белянка думает, где травы больше, — ответила мать.
— Не придумывай ей разговор.

Они сказали это без тревоги, почти весело, и Миша впервые после аварии почувствовал, что еда имеет вкус. Похлёбка была густая, с крупой и сладкой морковью. Ложка согревала пальцы. За окном темнело, слышались голоса соседей; кто-то тянул тяжёлую створку ворот, и дерево скрипело до тех пор, пока не легло на место.

Анфиса спросила, можно ли увидеть льва, когда его поймают. Варвара не дала отцу ответить.

— Увидела уже афишу. Хватит.

— Я не маленькая.

— Тем более.

Антон посмотрел на девушку.

— На близком расстоянии он не такой, как на афише. Пахнет сильно.

— Корова тоже пахнет.

— По-другому.

— А как?

Отец задумался. Миша ждал привычного красивого сравнения, но Антон только повёл плечом.

— Придёте, если поймает. Тогда узнаете.

Варвара поставила на стол чайник так, что крышка звякнула. Отец поднял руки, показывая, что больше ничего не обещает.

Перед тем как убрать со стола, хозяйка вышла на стук в сенях. Вернулась с Саввиной женой. Та держала Мишину сменную рубаху, сложенную торопливо, одним рукавом наружу.

— Ваше, — сказала она. — Под голову ему клали. Я своё принесла.

Миша принял рубаху, спросил, что с ногой. Женщина ответила, что фельдшер подозревает перелом и велел везти к врачу. Пока устроили здесь, дали лежать. Утром будут решать дорогу.

— Он всё лошадей спрашивает, — добавила она. — Сама

сходила, посмотрела. Сосед взял, обе стоят. Сказала, а он опять спрашивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.